

На расстоянии вакуума

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

автор: John Hall
бета: Poliana Snape

18+

John Hall

На расстоянии вакуума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015386

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассуждения того, кто оказался на расстоянии продолжительностью в вакуум.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
1	10
Запись номер 2	13
Третья	19
4	22
Пять	27
6	34
Седьмая аудиозаписка	39
Кажется, девятая... или восьмая. Точно, восьмая!	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

John Hall

На расстоянии вакуума

Пролог

Ещё сегодня утром я был нормальным человеком. Ещё утром я предвкушал своё будущее, но всего полчаса назад все закончилось.

Я на околоземной орбите. Тридцать минут назад я стал свидетелем конца. Одну тысячу восемьсот секунд назад я видел, как ракеты взмыли в воздух с разных частей планеты... Сейчас я вижу только пыль, что плотным туманом окутала уже мой бывший дом.

Переместимся немного назад во времени. Я все ещё на Земле. Меня упаковали в скафандр, приготовили к отправке в космос, в эту чёрную холодную глотку, в этот расширяющийся желудок жиртреста. Меня посадили в ракету, подключили, зафиксировали и сказали что-то типа: «Этот полет в космос, он очень важен для нашего народа! Мы верим в тебя!»

Примерно через час подо мной взревела турбина. Она изрыгала огонь, она поглощала кислород... Такой родной и необходимый мне кислород.

До этого голос диктора отсчитал от десяти до нуля.

Десять: я вернусь домой по окончании экспедиции.

Девять: это очень важная экспедиция.

Восемь: мама уже гордится мной.

Семь: теперь отец сможет похвастать перед друзьями.

Шесть: мое имя войдёт в историю, оно будет вписано в учебники.

Пять: даже если что-то пойдёт не так, я превращусь в горстку пепла, так и не успев ничего понять.

Четыре: все будет хорошо.

Три: мне не страшно!

Два: давай-давай-давай!

Один: ВРУБА-А-А!..

Ноль: А-А-А-А!

Двигатель ревет. Все те конструкции, что удерживали ра-

кету в вертикальном положении, отваливаются. Меня вдавливают в кресло пилота. Дыхание спирает. Перегрузки круче, чем на подготовке!

«Это самый крутой аттракцион, на котором только можно прокатиться», – думаю я и продолжаю дико орать. Диктор перечисляет количество пройденных километров. Он сообщает мне, как далека родная трава у отчего дома. Я отдаляюсь от человечества. Каждая секунда прибавляет километры дистанции между нами, между человечеством и мной. Диктор говорит об отходящих от ракеты ступенях и сообщает, что все идёт по плану. Система жизнеобеспечения пищит, трещит и звенит. Голос робота говорит мне о тех действиях, которые я должен совершать, чтобы достигнуть космоса.

Облака далеко позади. Я вижу чистый голубой цвет, и чем выше меня поднимают рокот двигателя и пламя, тем чище становится этот цвет, тем глубже небеса и ближе бесконечность. Здесь нет ничего, кроме неба... Никакого рая.

Становится все темнее. Снаружи холодно. А я смотрю вперёд. Передо мной вязкое пространство. словно я ныряю куда-то вверх, в другой океан, что гораздо больше того, который я оставил позади, на Земле. Там же, на Земле, остались вязкие моря мыслей и переживаний людей. Там остались реки мимолетных желаний и странных поступков. Это все осталось на Земле.

И вот ракета преодолевает барьер атмосферы. Больше ничего не тянет вниз. Я поднимаюсь на самый верх нашего ма-

ленького мира и повисаю на вершине без возможности спуститься вниз... но в этот момент я об этом ещё не знаю.

Система жизнеобеспечения сообщает о том, что все в порядке; система безопасности, пройдя все тесты, ослабляет ремни и даёт разрешение на освобождение от их плена. Я отстегиваюсь и поднимаюсь наверх. В этом месте нет гравитации, и именно поэтому я поднимаюсь вверх и направляюсь на поиски иллюминатора, через который я смогу увидеть родную планету. Связь с Землёй оборвалась, но я думаю, что это временное явление. Секундное... минутное помутнение сигнала.

– Меня кто-нибудь слышит? Алло! Ответьте! Земля, ответьте! – произношу я в микрофон, что вмонтирован в шлем скафандра.

– Спасибо за службу! – появляется голос диктора и пропадает в следующий миг. Теперь лишь белый шум поёт мне свою тягучую песню.

Я нахожу иллюминатор, сквозь который виден мой недавно покинутый дом. Я вижу нечто странное. Большое серо-коричневое пятно. Оно закрывает часть территории.

Присмотревшись, я замечаю, как с разных сторон планеты движутся какие-то линии. Они пересекают большую часть Земли, и тут все становится ясным – как вчерашний, но не завтрашний день. Завтрашнего дня больше нет.

Сейчас я вижу лишь пыль. Вот во что в конце концов превратился наш Мир – в пыль. Она, пыль, сдерживается в фор-

ме геоида и продолжает своё существование на просторах бесконечности. То, что осталось от человечества, весь этот пепел, смешанный с ядерными отходами, все это осталось на своём месте, в планетарной системе, но теперь не выбивается из неё многообразием ярких цветов. Теперь это просто серость... Мы так долго её прятали, старались избавиться, а в итоге сами стали одним из её воплощений.

Точно так же и я превратился в воплощение одиночества. Последний, единственный, избранный, благословенный или проклятый, больше это не имеет никакого смысла. Теперь это всего лишь слова, наборы звуков, в которых нет никакого смысла. Я больше никогда не смогу воспользоваться языком, наречием, теми выражениями и фразами, которые так много лет трамбовали в мой мозг. Теперь это всё – та же пыль и все тот же пепел, в который превратился мой Мир.

Я хочу кричать, ругаться, лечь на пол и, свернувшись калачиком, мгновенно умереть, но не могу себе этого позволить.

«Может быть, там, на Земле, в подвалах и бункерах остались живые, и они будут жить... – вот на чем судорожно начинает фокусироваться сознание. – И тем, кто потом выйдет на поверхность, я могу оставить послание. Записку о том, как человечество превратилось в ничто, – думаю я. – Я буду тратить свободное место на винчестерах, забивая их своим голосом. Хронологией своего отчужденного и потерянного существования в космосе... Возможно, ее никогда не услы-

шат... В любом случае я сделаю все, что в моих силах».

1

По идее, это первый день моего нахождения на околоземной орбите. Я по-прежнему не могу отойти от шока. Все случившееся кажется мне плохим сном, но я не сплю. Мне грустно. В то же время я понимаю, что в этом нет никакого смысла. Единственное, что я могу сделать, так это убить в себе все живое. В принципе, это не так уж и сложно, учитывая тот факт, что моего Мира не существует.

Обращаюсь к тем, кто, возможно, найдёт этот дневник. Я космонавт. Мне около тридцати. Всю свою жизнь до этого я посвятил будущему полёту... Как школьник, который посвящает всего себя, все свои годы молодости и юношества тому, чтобы поступить в университет.

Давайте договоримся о следующем. Я расскажу вам про тот Мир, который я знал. Но, пожалуйста, не воспринимайте мои слова всерьез. Они содержат в себе лишь малую часть истины. Они содержат в себе не энциклопедические знания в исторических и политических науках, они содержат какие-то обрывки воспоминаний и ностальгический бред.

Перед тем, как я начну рассказывать историю человечества глазами одного человека, скажу ещё пару слов о себе и о Мире, который перестал существовать.

Мы достигли высоких технологий. Мы вошли в информационную эру. Это так называемое время без забот. Это

эпоха одиночества... В нашем мире было такое понятие как сеть Интернет, которая объединяла все компьютеры в единый информационный поток. Компьютер же – это машина, устройство для обработки и хранения информации. Но об этом позже...

Так вот, каждый из нас, все жители были в этой самой сети. Связывались друг с другом в любое время и на любых расстояниях. Мы получали любую информацию по нашему желанию, но страдали одиночеством. Парадоксом было явление единения и полного одиночества, ведь тот, кто был в сети, исчезал из жизни... Люди практически перестали, можно сказать, отказывались от личного общения с глазу на глаз на тот момент, когда я покинул планету.

Недостаток общения. Может, именно это и стало поводом к тому, чтобы все перестало существовать. В принципе, в нашем Мире это было хорошим поводом для многого... Этот самый недостаток общения рождался как раз из-за любви человечества к Интернету. Мы писали сообщения. Лупили кончиками пальцев по клавиатуре, вбивая сообщения. Мы придумывали разные комбинации символов, чтобы описывать эмоции, но не писать о них; затем появились изображения, после – всякие двигающиеся картинки. Мы пытались совсем не говорить о том, что чувствуем.

Не знаю, по какой причине, но я отличался от большинства людей. Мне не нравились все эти технологии. Конечно, странно, что человек, который выжил в самом совершенном

изобретении всего человечества, говорит об этом, но это так.

Действительно, вместо одиночества в сети я выбирал общение с теми, кто мог себе это позволить. Таких людей было немного, но они были самыми дорогими и родными для меня. Мы встречались во всяких интересных, как нам казалось, местах и кушали, и пили, и разговаривали, смотря в лица друг другу. Это было замечательно!

Единственное, что сейчас вижу я, это собственное отражение в иллюминаторе. Теперь я понимаю, что чувствовали те, кто просиживал сутками перед монитором. Они тоже всматривались в чёрную бесконечность вечности и видели свои печальные лица. Теперь мы похожи, теперь я могу понять их чувства, теперь я тоже оставляю письма, но, скорее всего, не смогу дождаться того момента, когда их прослушают и дадут ответ.

Интересно, на сколько меня хватит? Как долго я смогу сохранять свой разум в состоянии покоя? Неизвестно.

Запись номер 2

Почему-то мне кажется, что я уже сбился в исчислении времени. Если это так, то это очень печально, ведь... Хотя если хорошо подумать, с самого начала все пошло не так. И теперь факт того, что мое исчисление времени сбилось в самом начале, не так уж важен. Конечно, в первую очередь я выстроил график и систему своего будущего питания. Как бы то ни было – во всяком случае, сейчас – я хочу прожить как можно дольше. Конечно, я понимаю, скорее всего, это желание сиюминутно; пройдёт чуть больше времени, и мне захочется подохнуть от тоски... Не знаю, голода... мрачности собственных мыслей, которые вместе со мной заперты в вакууме и одиночестве. Ну, а пока мой рассудок непоколебим, я буду прилагать все усилия для того, чтобы он таким и оставался.

Где-то я слышал или читал о том, что мозг начинает обманывать сам себя, если долго смотреть в своё отражение. Возможно, это глупо, возможно, бессмысленно, возможно, параноидально, но в связи с этим я решил смотреть в иллюминатор как можно реже. Это стало одним из правил моего выживания в космосе.

Я мыслю как отличник дисциплины «обеспечение безопасности жизнедеятельности». Как будто это школа, урок... или ещё сложнее – экзамен. Где-нибудь в несуществующем

будущем. И преподаватель спрашивает какого-нибудь ученика вот о чем:

– При межпланетном перелёте средство передвижения потеряло управления, и вы повисли в невесомости. Когда прибудет другой корабль, неизвестно, ваши действия?

– Ну... эм... ну... Сначала я посчитаю запас продовольствия и, эм... посчитаю предполагаемое время нахождения в космосе.

– Хорошо, молодец. Дальше!

– Постараюсь составить себе график бодрствования и сна и разбить его на предполагаемые блоки. Таким образом, я смогу рассчитать приемлемое время для принятия пищи.

– Хорошо. Что ещё?

– Не смотреть в отражение.

– Что?! – удивлённо спросит преподаватель.

– Без особой надобности я постараюсь не смотреть в иллюминатор, потому что там есть мое отражение.

– Что?! – вновь удивлённо спросят его. – Почему?! А что такого в твоём отражении?

– Ничего, – ответит школьник. – Оно просто есть... Оно может внушить мне все что угодно. Я так думаю, – скажет он.

А это ведь это обычный школьный экзамен, и его слова проберут преподавателя до кончиков волос. Она задумается над его словами, потом улыбнется и скажет:

– Нет! Третьим пунктом будет... – и с довольной улыбкой окунет малыша лицом в дермо, но навсегда запомнит

его слова, в которых были и смысл, и осознание этого мира. Вполне возможно, этот самый школьник в свои, не знаю, десять лет будет лучше адаптирован к жизни, нежели эта те-тушка с адским причесоном.

В любом случае, я составил себе план выживания в таком виде, в котором мог его представить и осуществить. Еще я включил физические упражнения. Как минимум это позволит убить время, которого у меня теперь, с одной стороны, более чем достаточно, а с другой – все зависит от количества пищи, воды и способности моей ракеты вырабатывать кислород.

Кстати говоря, топливо теперь тратится только на поддержание жизни. Мне некуда лететь, мне не для кого проводить какое-либо исследование. Единственное, что я могу сделать, я уже воплощаю в жизнь... Я надиктовываю это самое послание бортовому самописцу.

Сейчас это единственный мой друг и собеседник... молчаливый собеседник, который внимательно слушает. Который может дословно воспроизвести мои слова.

– Ещё одно правило. Никогда не слушать свои записи.

Вот, что я решил, вот до чего я додумался. Мне кажется, что таким образом я смогу обезопасить свой разум от проникновения в него шизофрении. Правда ли это или лишь догадка, домысел? Неизвестно. У меня есть время для подобного самокопания, но нет настроения для этого.

Вместо этого я лучше расскажу про великолепную аферу

моего мира. Она заключалась не столько в обмане, сколько в мистификации и переписывании фактов и слов. Сказанное однажды теряло актуальность, и его дополняли. По прошествии нескольких лет меняли порядок, чтобы сделать формулировку более точной. Затем, спустя ещё некоторое время, часть слов заменяли выгодными и начинали получать выхлоп. Затем, когда система переставала работать, её заменяли новой, созвучной со старой, но имеющей под и за собой другие основания и понятия, а после круг повторялся. Человечество неустанно наблюдало за этим, прислушивалось к веянию моды и катилось дальше.

Конечно же, до этой глобальной аферы были другие, точно такие же, но мелкие. Образовывались они на основании людского любопытства и пытливости. Пока все это было в маленьких размерах, люди называли это верой, потом оно стало религией. Наверное, человечеству надоело придумывать множество богов, знать их привычки и место в пантеоне... лень... Моим миром правила лень, и именно она двигала прогресс. Но отдельно хочу отметить вот что: изначально, когда появился один бог, все было нормально. Он, возможно, сказал сам, возможно, домыслили его приближенные и записали слова на пергаменте. И вот эти слова, принадлежащие личности, вот это и было верой, а вот потом... Потом меняли порядок, чтобы сделать формулировку более точной. Затем, спустя ещё некоторое время, часть слов заменяли выгодными и начинали получать выхлоп... Ну, вы поняли.

Причём из-за тех слов человека не стало, и это лишь укрепило силу им сказанного, превратило в систему правил... А мы, люди, были созданы, чтобы нарушать правила, а если возможности нарушить нет, то изменять их таким образом, чтобы нарушить можно было.

Так появилась религия. То есть ее основали вокруг одной личности и слов, ею сказанных... Так появилось и безумие, которым заболели особо внушаемые экземпляры нашей расы.

Они стали зависимы от созданной словами системы порядков и устоев.

Были и те, кто шли против. У них была другая вера, не преобразовавшаяся, не эволюционировавшая. Самое смешное заключалось в том, что вера, какой бы она ни была, всегда существовала без навязчивости, с уважением к другим верованиям. Религия же была властолюбивой гнидой, что паразитировала в мыслях.

Вот сейчас я об этом рассказываю и понимаю, что такой исход для религии был логичным. Ведь нельзя построить хороший дом на песке... И если бы те слова, если бы их не начали менять, то они стали бы постулатами, аксиомами, фундаментом.

И если бы религия была бы всего одна среди верований, она захлебнулась бы в собственном дерьме, но есть одно «но». Их, примерно в одно время, возникло несколько. И это стало одним прекрасным поводом для раскола челове-

ства... для начала глобализации затворничества и одиночества. Но об этом необходимо сказать несколько больше.

Дело в том, что вера, если она есть – а она есть! – не требует службы, посвящения жизни и прочих условий. Религия же вечно в чем-то нуждается, чего-то требует и хочет. Причём от каждого и всё. И те фанатики, что заболели мимими-идеями, собирались в группы, чтобы создавать места «уединения». И там они обращались к идеям, кишасим в головах, культивировали их и верили, что общаются с идолом религии... они называли это верой в Бога.

Третья

Смотрю в иллюминатор. Наблюдаю за звездами. Они переливаются вдали. Я смотрю на них сквозь своё отражение. Мне скучно. Это моя самая большая и самая страшная проблема. Всегда, все время надо себя чем-то занимать. Что-то подсчитывать, на что-то смотреть и наблюдать за этим чем-то. Мне уже скучно и неинтересно! А ведь я здесь не так давно... Что же будет дальше?

Почему-то мне вспоминается детство. Тот момент, когда я нашкодил. Отец поставил меня в угол, поругал, сказал, что я должен рассматривать две стены и стык. То единственное, что мне теперь дозволено на неопределенное время – просто смотреть вперед и сожалеть о своём проступке. Я не имею права ни общаться, ни смотреть в какое-либо другое место, только вперед. Вот что я чувствую сейчас, и по факту я стою и смотрю тупо вперед на все эти одинаковые звезды. Единственное, чем они отличаются друг от друга для меня, – степень яркости и размер. При всем при этом я понимаю – я НИЧЕГО не понимаю. Могу только придумывать и додумывать другие параллельные миры и реальности, которые существуют на просторах других солнечных систем где-то далеко от нашей. Возможно, так далеко, что я даже представить не могу, не то чтобы добраться до тех мест при помощи своей допотопной ракеты, заправленной каким-то дешевым

топливом, которое выписало правительство... Хорошо, что вообще долетел и остался здесь...

Вообще, для меня это как виза. Просто очень далеко. Наверное, настолько далеко, что после факта полета человека, то есть меня, в пространство выше атмосферы жизнь на Земле заканчивается Армагеддоном.

Я поясню немного, что имею в виду. Дело в том, что мы, люди, любили путешествовать, но есть одно «но» – мы не могли заниматься этим свободно. У нас было много народов, каждый из которых владел собственным участком земли на планете. Для того, чтобы попасть на территорию другой страны, нам требовалась специальная бумажка под названием «виза». Этот самый кусочек бумаги говорил о законности нашего пребывания на чужой территории, и я уверен, если бы на наш шарик прилетели бы инопланетяне, первым, о чем их спросили, была бы виза. Возможно, еще цель визита и бронь гостиничного номера.

В любом случае мы любили путешествовать, сколь бы проблематично это ни было. Иногда уезжали в другие страны, чтобы учиться там, иногда – чтобы работать, иногда – чтобы жить. Мы покидали родной дом в поисках чего-то намного лучшего этого самого родного дома. Самое страшное, что дом переставал быть таковым. То есть с ним ничего не происходило, он оставался все на том же месте, но появлялись изменения. По возвращении ты все помнишь, все находится на прежних местах, но, к примеру, некоторые лю-

ди умерли, где-то срубили дерево, вместо детской площадки сделали парковку.

Все эти изменения, они просто несовместимы с тем домом, о котором мы грезили и воспоминания о котором лелеяли. Тот дом – мечта, а это реальность... Поэтому, покидая родные места, мы погружали их в постапокалиптический хаос, наполненный пылью и рассказами уцелевших.

В космосе все воспринимается... Хотя я не знаю того, как все воспринимается в космосе. Обстоятельства, заложником которых я оказался, слишком специфичные. А вот представление того дома, куда я должен вернуться, оно неизменно и идеально. Пускай даже моя виза продлена на пожизненно.

Устал... уже устал от одиночества. Прошло немного, не так много времени, но... слишком много времени наедине с мыслями. Они одним бесконечным составом мчатся сквозь мозг и стучат колёсами по рельсам. Это ад. Он проникает внутрь меня заразой мыслей. Я вспоминаю о тюрьмах. Думаю про одиночество, которое испытывали окружающие. Думаю про озлобленных людей, что смотрят друг другу в лица и готовятся убить. Думаю про изолированных от общества типов. Наверное, они испытывали то же самое... Правда, наверное, им было даже сложнее.

Мне видится средневековая крепость, что содержит километры путаных тоннелей и коридоров. По ним ходят и бегают люди, одетые в тяжёлые стальные одежды, в кожу и меха. Где-то внизу, в подземельях, сидят осуждённые. Их разделяют широкие каменные стены. Иногда слышно, как о пол разбиваются капли конденсата и эхом пробегают по помещению. Здесь нет света, сыро и холодно. Здесь гниют заживо голодные, больные, сумасшедшие. Во время грозы одни молча забиваются в угол, другие истерически смеются и бросаются в танцы, третьи же начинают обращаться к религии и говорить от её лица о том, что все люди прокляты.

Все это разносится по длинным каменным коридорам. От этого холод ползёт по кровеносным сосудам и забирается в

самую выносливую мышцу.

Темница находится недалеко от выгребной ямы. По этой причине здесь всегда воняет нечистотами, и люди, попавшие сюда, с первых минут начинают строить планы преждевременного побега из игры под названием «жизнь». Они прикидывают все возможные варианты смерти или же бегства и в эту же секунду начинают исполнение одного из возникших планов. Это может быть нападение на сопровождающих охранников или же, к примеру, небольшой театральный акт, в котором необходимо показать самое страшное заболевание. Итог один: жёсткий удар под дых, смех, а после randevu головы заключённого и каменной стены нового и, возможно, последнего для него пристанища.

Вонь, крики, смех, холод, болезни, голод, одиночество – все это лезет под кожу, забирается в самые труднодоступные места тела и мыслей и остаётся там до самого конца. Вот как было в древности.

До конца света люди самостоятельно прятались в пенобетонные склепы, что росли над землёй и упирались в небеса. Они были прикованы сетевой зависимостью к своим комнатам-гробам и так же, как и в древности, там потихоньку превращались в горсти пыли... Теперь весь мир – всего лишь горсть пыли, что удерживается на шарике благодаря атмосфере.

До конца света люди зарастали плесенью и превращались в части своих маленьких кондоминиумов, наполненных хла-

мом из журналов. Каждый наполнял свою одиночку ненужными вещами, чтобы во время редких встреч рассказывать другим, таким же, о своих богатствах. Все равно что в древности заключенный, хвастающийся пойманной крысой перед другим, у которого два квадратных камня в кладке, и это вроде как круто.

А мне даже похвастаться не перед кем. Я в самом совершенном одиночестве в мире и нахожусь слишком далеко от праха близких. Вокруг меня только звезды и пустые планеты, на которых никогда не было жизни... Я чувствую, что в скором времени начну терять рассудок. Надеюсь, что я ошибаюсь.

У меня ничего здесь нет. Даже книг, которыми можно было бы убить одиночество и скуку. Насколько мне известно, в тюрьмах можно было читать. Даже отлученные от общих поселений могли получить книгу и читать её. После завершения изучения одной могли поменять на другую. Так они и жили: от корки до корки, не зная ровным счетом ничего о времени.

Я ничего не хочу знать о времени, хоть и могу спокойно посмотреть на часы, которые неизменно продолжают отсчитывать время, пока что... Они уже отсчитали какое-то определенное количество времени новой эры, но я не знаю, сколько именно. Может быть, неделю, может быть, меньше, может быть, больше.

Действительно, я ощущаю себя заключённым, у которого

забрали совершенно все и дали свободу действий в ограниченном пространстве, а главное – ему оставили часы. Мерно тикающие где-нибудь под потолком. Зная, что цифры лишь усугубят мое положение, я повернул хронометр циферблатом к стене и теперь лишь слушаю мерное тиканье секундомера. В древних темницах этого не было, и, возможно, поэтому, каким бы ни было их заключение, оно кажется не столь ужасным, как мое. Ведь я могу узнать прошедшее время и, узнав, сойти с ума от этого знания.

В любом случае я примерно знаю, на сколько хватит моих припасов. Согласно этому знанию, я и выживаю на орбите. Я могу предположить, когда здесь умру. Мне подвластно лишь прогнозирование, строительство догадок о том, как все закончится. Почему-то мне так кажется, что, скорее всего, это будет голод, и в какой-то момент я просто зависну в невесомости. Мое совершенно высушенное тело будет болтаться внутри ракеты, в невесомости. Это чудо инженерной мысли станет чудом погребения и моим саркофагом. Я стану спутником Земли и буду болтаться на орбите, следуя своей собственной траектории движения... Или же я выйду в открытый космос без снаряжения, и меня уничтожит давление... Или в капсулу из металла и пластика врежется раскалённый камень и раскидает оплавленные и подгоревшие останки по всей орбите. Все это может быть. Точно так же, как и тот маловероятный конец существования, который просто случился, и теперь больше ничего не напишешь.

Вообще, это забавно: просчитывать варианты собственной смерти, зная примерное... даже не время, а, скорее, примерную протяженность, которая обуславливается работоспособностью ракеты и количеством продовольствия. Конечно, есть погрешность на болезнь, крушение или столкновение, но это не так вероятно, как простая, тупая смерть.

Пять

Специально отключил табло времени на тренажёре, что установлен в ракете. Специально стараюсь избавиться от всех хронометров, секундомеров и прочего... Периодически смотрю в иллюминатор. Заметил, что пыль на шарике осела. Теперь подо мной обломки былой человеческой жизнедеятельности. Я не могу сказать – славы. Язык не поворачивается упоминать об этом позоре. Ведь как бы то ни было, все закончилось на новой волне технологического прогресса. Хотя именно технологии и поставили заключительную точку.

Дело в том, что наш Мир был наполнен мечтателями, изобретателями, которые жили своими планами, которые существовали в своих изобретениях... которые стыдились и боялись своих открытий. Они создавали фонды с единственной целью – попросить прощения за найденное открытие и за то, как его используют психопаты и неуравновешенные.

Наверное, все это из-за человеческого тщеславия. Оно неутомимо, ненасытно и всегда требует больше и больше. Это есть... точнее, было, в каждом... и во мне есть. Поэтому я до сих пор цепляюсь за здравый смысл, за рассудок и стараюсь оставаться... человеком.

Подумав об этом, я почувствовал себя дурно. Я не хочу быть человеком. Последним из своего рода. А плохо стало не потому, что я последний, а потому что, в итоге, вид полу-

чился не таким удачным, раз уничтожил сам себя... А теперь сквозь своё отражение я вижу серость и представляю разрушенные города, усыпанные пылью бывших жителей, остатки стен, усеянные тенями. Страшно.

Почему-то мне все больше кажется, что никого не осталось. Если раньше была хоть какая-то надежда на бункеры и оставшихся там живых, то сейчас мне все меньше в это верится... Я не хочу жить в обмане и верить во что-нибудь нереальное. Это кажется мне напрасным; думаю, что это глупо и в итоге сыграет против меня.

Так уже было единожды. Я верил своим глазам. Они смотрели на огромное море и на то, как самая известная из всех звёзд, во всяком случае, известная виду под названием «человек», прячется за линией горизонта и окрашивает небо в алые, фиолетовые, розовые цвета. В другой день облачным вечером я наблюдал все то же самое цветное шоу, но на сей раз оно падало на неровную поверхность пара, застывшего высоко над землёй. На следующий день пошёл дождь, заката не было. Тогда я наблюдал силу стихии: то, как волны поднимались, как мне казалось в тот момент, практически до чёрных туч, а затем падали вниз; то, как молнии расчерчивали небосвод секундными ломаными линиями. Мне было наплевать на погоду. Я хотел остаться там навсегда. Мне было примерно шесть лет.

Мой отец был военным при хорошем чине, однажды вечером он сказал:

– Мы переезжаем в город... там лучшая в стране частная школа.

Мой папа сказал об этом, и я понял следующее: я хотел слишком многого. Вечно оставаться на одном месте могут только трупы. А трупом я быть не хотел.

Но, честно, находясь здесь, я даже начал получать какое-то садистское наслаждение от мысли о том, что человечество строило города во все возможные стороны. Заборами и стенами ограждаясь от соседей и границами от тех, кто говорит на другом языке и выглядит немного иначе. И только сейчас я понял, в принципе, в эпоху перед концом времени человек, как вид, умер. Он просто оставался на месте из-за введённых условных обозначений. Конечно, среди нашего рода оставались такие, у которых в самой генетической цепи вписано вечное шило в заднице, которое не позволяло сидеть на месте. Именно такие индивидуумы и двигались вперёд, остальные до попадания в город под землёй жили в городе, что возвышался над поверхностью, и жаловались, и старались выживать... Сейчас я вижу лишь пыль и облака.

«Стоп! Облака!» – я понимаю, что ни разу после всего случившегося не видел, как облака проплывали бы под слоем атмосферы. Сейчас же я вижу облака. Они нависают над пылью, окутавшей остатки жизнедеятельности.

Наблюдаю за движением, что возникло под куполом давления, под скорлупой, отделяющей от космического холода. Я плаваю в невесомости, уставившись в иллюминатор. Я ста-

раюсь смотреть сквозь своё отражение, стараюсь не замечать того человека, что живет там, и прекрасно понимаю, что нарушаю одно из первоочередных правил. Эта мысль не даёт мне покоя, но я не могу сопротивляться интересу. Меня увлекают небо и облака так, как никогда не увлекали, пока я был на Земле... плохая ирония. А глаза с отражения потихоньку начинают прожигать дыру где-то в районе моей переносицы. Я это чувствую, даже не обращая внимания на стекло, концентрируюсь на обратной стороне.

– Пора отлипнуть от иллюминатора, – произношу вслух и отстраняюсь.

«Спорт... Надо занять мышцы и мысли», – вот о чем я думаю.

А все потому, что теперь мне слишком интересно смотреть в иллюминатор. Там показывают нечто интересное... Там происходят движения, за которыми я не могу понаблюдать невооруженным взглядом. Я могу видеть лишь последствия миллиона маленьких, тысяч средних, череды больших изменений. Возможно, все это происходит куда быстрее, чем мне кажется... А возможно, нет. В любом случае, мне слишком интересен Мир вне пространства металла и пластика.

Здесь есть всего один тренажёр – велосипед. Я не знаю, почему так и кто придумал это. Скорее всего, это связано с отсутствием гравитации. Скорее всего, этот тренажёр нужен, чтобы мышцы ног не атрофировались в безвоздушном пространстве. Он рассчитан на возвращение из этой бездны...

Я его использую, чтобы убить время до неизбежного и очень неприятного события.

Я слишком хорошо переношу одиночество. Нет ни плохих снов, ни желания покончить с собой, никаких странных голосов, о которых меня долго и настойчиво спрашивали во время всех медицинских обследований... Мне интересно, как задающий вопрос доктор определяет, правду или ложь говорит человек сидящий напротив? Что, если в космос попадёт психопат? Ведь такой вариант тоже возможен? Пускай он маловероятен, но возможен! И я представляю эту ситуацию, этот диалог:

– Вы здоровы?

– Да.

– Голоса слышите?

– Нет.

– Прощайте.

Или:

– Здоровы?

– Да.

– А голоса?

– Какие голоса?

– Ну, вы слышите какие-нибудь голоса, которых нет на самом деле?

– Да. Время от времени они просят зарядить дробовик и выпустить пучок дроби в лицо соседа.

Или:

– Вы слышите голоса?

– Да... Но они просили об этом не говорить с вами, потому что это может навредить нашей дружбе...

– Но вы уже начали говорить о них. Вам это не навредит?

– Все зависит от того, что я скажу дальше... А я не скажу ничего.

– Разумно... Но почему такое решение? Они вам угрожают?

– Не скажу.

Или:

– Доктор! Я слышу голоса...

– И какие? О чем они с вами говорят?

– Они просят меня жонглировать, сидя на уницикле и напевая отрывок оперы «Мистер Икс»! Они требуют это и днём, и ночью, и заткнуть их нет никакой возможности!

– А вы пробовали выполнить их просьбу?

– Нет! Доктор, я что, похож на больного?!

И доктор сидит и пытается разобраться во всем этом. И кто-то действительно болен, а другой всего лишь идиот, не до конца осознающий серьезность мероприятия. Конечно же, он получит наказание в виде нескольких доз галоперидола и недельки в дурке... А если на моем месте оказался бы человек с глубокими внутренними проблемами? Такой, который до определённого момента устойчив практически к любым воздействиям любого типа... А потом его перемалывают обстоятельства, и эта мясорубка выплёвывает фарш из

личности, которая теперь, покопавшись в себе, открыла тот самый шкаф для скелетов. Что будет в этом случае?.. Ничего хорошего – вот что мне доподлинно известно.

Подобные случаи уже происходили в истории, когда лидеры держав, потеряв что-нибудь единственное, ради и для чего стоило жить, сходили с ума и бросали все на самотёк... И страны погружались в хаос огня и крови.

6

Наблюдаю за метеоритом, который плывет где-то очень далеко. Для меня он лишь небольшой камешек... Земли не видно. Она с другой стороны. Ракету вращает вокруг оси. Недавно я это заметил. Странное чувство одолевает меня. Теперь я думаю о том, что внутри этой скорлупы я остаюсь неподвижным, даже несмотря на то, что оболочка, пускай медленно, но движется. До того момента, пока кусок сплавов не повернулся какой-то совершенно неудобной для наблюдения за Землёй стороной, я не обращал внимания на тот факт, что я продолжаю движение. Сейчас меня это настораживает.

Помимо всего прочего, кажется, я привык к отсутствию времени. Теперь я могу спать долго, а уставать быстро и в основном от безделья. Самое главное – мне ничего и не хочется делать. В этом есть свой сакральный смысл, и если зарываться в чернозём психоанализа, можно сказать, что я просто переживаю одну из стадий... не знаю, чего... как вариант, депрессии. В любом случае, я не то чтобы избавился от апатии, я просто принял её. Наверное, только сейчас мне удалось понять большинство студентов, которые старательно ничего не делают...

А ведь и вправду: студенты в большинстве своём – это такая категория, которая ещё не смирилась со взрослой жиз-

нюю, которая старательно пробирается сквозь дебри к уютному офису и белому воротничку, но при этом понимает, что это последний рубеж и дальше только самопознание и саморазвитие... Дальше наступит старость.

Несмотря ни на что, я уверен, что это лишь затишье перед бурей. Это смирение, оно мимолетно... Точно так же, как и впечатления от самого полёта в космос. Если брать исключительно мою ситуацию, то мне вообще обломали всю малину внезапной ядерной войной. Я смог насладиться только адреналином и ничем более. Даже некому рассказать о той гамме эмоций, что бушевала во мне, пока огонь поднимал все выше в небо. Может быть, ты, слушатель, узнаешь об этом... В любом случае, не я, а просто запись моего голоса расскажет тебе про облака и синее небо, что с каждым моментом все больше наполняется тьмой.

Но даже эти мысли меня не пугают и никак не расстраивают. Они просто есть, точно так же, как и я сам. Точно так же, как и метеорит, что лениво и с помпезностью плывёт где-то там. Точно так же, как и...

– Другие люди... – произношу я вслух. – Другие люди, что попали в космос раньше меня, – вот о чем я думаю. – «Галактика»... Станция называлась, вроде бы, «Галактика»... И там был один человек. Его с определенной периодичностью меняют, чтобы он следил за работоспособностью... Я НЕ ОДИН!!!

Как же я счастлив! В этом мире есть ещё один человек,

который точно так же болтается в металло-пластиковой конструкции. Он есть, а это значит, я как минимум не сойду с ума от одиночества!

Надо с ним связаться! Как же я раньше не додумался до этого?! Неужели все эти переживания из-за кончины мира настолько затмили мой разум, что я не подумал, что здесь, в этой безвоздушной неощутимой воде, я не один. Я обязан выйти на связь со станцией!

Аппаратура включена, Настройки в норме, все работает как часы, но в ответ лишь белый шум. Я слушаю его и пытаюсь пробиться сквозь стену помех. Мой голос уходит в глубину космоса и затухает там в виде импульсов.

– Станция «Галактика»! Станция «Галактика»! Как слышно?!

Время водой утекает сквозь пальцы. От усердия на моем лбу выступают капельки пота. За последнее время, пускай я привык к одиночеству и тишине, но в равной степени я устал от самого себя. Мне нужен человек, собеседник, который сможет звучать... С которым будет возможность отбиться от тишины, в которую погрузилась Вселенная.

– Станция «Галактика»! Станция «Галактика»! Вы меня слышите?!

И Мир, наполненный шуршанием белого шума, жизнь, наполненная помехами...

– Станция «Галактика»... пш-ш-ш... Станция «Галактика»!.. выжившим... пш-ш-ш... мы здесь! – после чего голос

произносит координаты.

Сердце в груди сокращается и замирает на секунду.

«Есть живые... живой... я не один!» – буря эмоций и мысль о том, что надо двигаться вперёд, становятся моим стимулом. Лезу в настройки автопилота ракеты, чтобы задать координаты и отправиться в космический полет в поисках выжившего. Я думаю, что конец света наступил, но это ещё не все. Человечество в лице выживших продолжит цепляться за право на существование. Может быть, даже кто-то остался на Земле, и они, возможно, уже ищут пути к тому, чтобы выбраться наружу.

Я понимаю, что произошедшее, возможно, в будущем уничтожит меня, потому что я позволил себе поверить в... то, что ещё не все потеряно. Но раз есть такая возможность, я буду верить как любой нормальный человек, буду хвататься за неё кончиками пальцев... ногтями...

Странное чувство – верить тому, чего может не быть. Странное чувство – перемещаться в космосе в то место, где я, возможно, встречу второе самое большое разочарование в жизни.

На самом деле я думаю о том, что мне надо было остаться на Земле и умереть вместе со всеми... Превратиться в пыль и осесть где-нибудь в другой части страны или даже планеты и остаться там навсегда. В принципе, люди и так превратились в пыль до моего полёта. Наше передвижение по планете зависело от потоков ветра, которыми нас подхватывало и

несло до нового места, где мы оседали.

По такой логике после взрыва мало что изменилось. И человечество просто стало неактивным и наконец перестало разрушать планету, попросту уничтожив жизнь... Хотя согласно случившемуся, я так думаю, уничтожение планеты было близко... Вполне возможно, это временное явление, и, допустим, из-за мощнейших взрывов в земной коре образовались трещины, и на самом деле при видимости спокойствия на самом деле сейчас Землю разрывают землетрясения, и она потихоньку приближается к своей кончине. Если это так, то выживших на Земле нет, и последняя надежда на станцию «Галактика».

Седьмая аудиозаписка

Я плыву через океан космоса. Огонь несёт меня вперёд в поисках выживших... как и я, затерянных в безвоздушном пространстве среди планет и звёзд... Хочу почувствовать ветер на коже, траву под ногами, услышать множество звуков. Я направляюсь в сторону полученного сообщения и трачу на это жизненно необходимые ресурсы топлива. Я отдаю себе отчёт о том, что и для чего делаю. В любом случае, вновь войти в некий анабиоз я всегда смогу, а вот возможность встретить похожих на меня, застрявших в плену обстоятельств, одна-единственная.

Меня несёт автопилот по услышанным координатам. Мне не по себе. Сигнал был плохим, и слышно было плохо. Вдруг я перепутал, неправильно услышал одну-единственную цифру и теперь направляюсь черт знает куда... сжигая топливо, что поддерживает системы жизнеобеспечения. Этот мой полет меняет местами, перемешивает варианты моей гибели, играя с ними, как крупье с картами. Меня это напрягает, и я даже начинаю сомневаться в своём выборе, а потом понимаю: позже, раньше... нет никакой разницы, потому что я умру здесь, в космосе, среди разного космического мусора.

Моя душа мечется из стороны в сторону, и вроде бы я даже хотел обратиться к Богу и просить его о благосклонности, а потом вспомнил те минуты, когда покидал планету... тогда

я внимательно посмотрел по сторонам и заключил: «Никакого рая». А обратиться все равно хочется, и я начинаю бубнить под нос какую-то ахинею, просить о том, чтобы моя космическая одиссея окончилась успехом и я нашёл бы и «Галактику», и людей внутри металлопластиковой крепости.

Мой шаттл движется смертельно медленно по меркам межпланетных путешествий и до безумия быстро согласно стандартам уже мертвого мира, но меня это не волнует, не интересует... Я продолжаю бубнить под нос лютую ахинею, которую сочли бы за чистую монету все в том же мертвом мире. Там сказали бы, что я приверженец какой-нибудь из религий, посмотрели бы на мой внешний вид, на страну происхождения и причислили бы к религии, несмотря на то, что я адепт свободной веры.

«Человечество просто хотело, желало и жаждало верить, но было лишено этой возможности... Спасибо религии, – думаю я и даже хочу с горечью сплунуть, но меня останавливает чувство гравитации. – Нет, молитва мне не поможет. Перед моим полетом все эти слова были опорочены и искажены вконец. За каждое обращение к Богу, который внутри каждого из нас, брали монету. Говорили, что это единственный способ, чтобы тот услышал... Люди начали покупать Неподкупного и катиться в бездну. Так было в одной из крупнейших держав. В ней преобладал бардак. В другой крупнейшей стране царили анархия и хаос. Из-за этих основных гигантов и случилось то, что случилось. Я же был родом из маленькой

страны-государства где-то между».

Я не помню, по какой причине, но наш Мир разделился на две стороны. То есть стран, национальностей и прочего было много, но все разбились на две противоборствующие стороны. Это было как противостояние добра и зла, и лишь победитель мог быть окрашен в белый цвет. Все остальное время была серость, которая как следствие поглотила всё, и цвета вообще перестали существовать, потому что их больше никому видеть... Это я так думаю, потому что не верю в иноземные формы жизни, которые якобы посещали нашу планету. А я не в счёт. Даже если мне удастся найти станцию «Галактика» и даже если там будут выжившие, нас все равно слишком мало, чтобы повлиять на что бы то ни было. Ладно, то, что нас мало... топливо и продукты питания не бесконечны, так что человечество в любом случае обречено здесь, в космосе.

Кажется, девятая... или восьмая. Точно, восьмая!

Как вы видите, я окончательно теряю связь со временем и событиями. У меня остаётся только стремление. Чистое, неподдельное стремление к тому, чтобы прожить отведённое мне время... несмотря на то, что я самостоятельно его уре-заю космическим путешествием.

Я не знаю, сколько времени прошло с момента запуска двигателя. Приборы показывают, что топлива, примерно, ещё столько же. Одна проблема – не известно, сколько ещё плыть сквозь этот океан. С таким же успехом я мог бы просто находиться на орбите, и рано или поздно мы бы встретились. Но я решил действовать незамедлительно! Вот насколько я не хочу быть один, и вот как мне уже надоело соблюдать собственные правила. Мне необходимо общение, а не отвлечение самого себя. Если быть честным, даже моя изначальная задумка рассказывать вам историю человечества мне уже давно не по душе, и я уже некоторое время максимально стараюсь избегать этой темы, потому что, как оказалось, я знаю не так много, чтобы о чем-нибудь рассказать... Даже здесь я сплеховал. ЧЕРТ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.